

ЗВЕНО

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ

ЛИТЕРАТУРНО - ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

подъ редакціей

М. М. Винавера и П. Н. Милюкова

ZVENO «Chânon»

Journal Hebdomadaire, paraissant les Lundis.

directeurs:

M. M. Vinaver et P. N. Milioukov.

Литературныя бесѣды

2.

1.

"Изъ дальнихъ странствій возвратясь", побывавъ въ Москвѣ и Петербургѣ, Поль Моранъ рассказываетъ теперь о своихъ русскихъ впечатлѣнiяхъ.

Иногда, читая его рассказы, трудно сдержать улыбку. Впечатлѣнiя Морана довольно поверхностны и шаблонно - сочувственны, по установленному теперь образцу сочувствiя просвѣщеннаго и умнаго европейца къ "великой русской катастрофѣ", къ этой "великой, несчастной и обаятельной странѣ". Но когда Поль Моранъ не разсуждаетъ, а описываетъ, — онъ очень интересенъ.

Въ послѣднемъ номерѣ "Ревю де Франсъ" помѣщенъ короткiй рассказъ Морана "Музей Рогаткина" — правдивая, повидимому, исторiя о какомъ-то василеостровскомъ чудака, которому удалось до самыхъ послѣднихъ лѣтъ утаить отъ большевиковъ свои богатства и коллекци и который былъ выданъ случайно, поденщицей, подсмотрѣвшей, какъ онъ, ночью обливалъ керосиномъ и жегъ кошекъ, называя одну Чичернымъ, другую Зиновьевымъ и т. д.

Объ этомъ рассказѣ не стоило бы говорить, если бы въ немъ не было чудеснаго описанiя Петербурга.

Тѣ, кто видѣли Петербургъ въ недавнее время, знаютъ, что трудно вспоминать о немъ безъ волненiя и горечи, и что отъ разоренiя, отъ обнищанiя этотъ городъ ничего не потерялъ въ красотѣ своей, — "этотъ, можетъ быть, прекраснѣйшiй городъ въ Европѣ", какъ замѣчаетъ Моранъ. Москва разбухла и какъ бы "обнаглѣла" отъ своего неожиданнаго торжества. Петербургъ замеръ, и уже теперь онъ достоинъ былъ бы стать мѣстомъ паломничества — если не историческихъ, то хоть эстетическихъ. Впрочемъ, одно отъ другого неотдѣлимо.

Моранъ пишетъ:

"Чувствуешь, что этотъ обреченный городъ медленно гниетъ на своихъ ста тысячахъ свай, — какъ сгнили сто тысячъ рабочихъ, согнанныхъ сюда Петромъ Великимъ, — что онъ падаетъ въ скользкую могилу невекаго устья.

— Это не Венецiя... Это Равенна.

— Скажите, какъ Уэльсъ: Пестумъ.

Мы утѣшали себя: "что осталось отъ Вавилона, который былъ больше Парижа?"

Петербургскiя повѣсти Гоголя — только что вышедшiя въ прекрасномъ французскомъ переводѣ В. Шлецера, должны были бы стать главнымъ событiемъ французскаго литературнаго сезона. Я пишу "должны были бы", неуверенъ, что это случится.

Выборъ, сдѣланный переводчикомъ — Шпнель, Носъ, Невскiй проспектъ, — нельзя не одобрить, въ особенности выборъ "Носа". Это, конечно, одна изъ самыхъ "интернациональных" гоголевскихъ исторiй. Въ отношенiи "Шпнеля" закрадываются сомнѣнiя. Послѣ Достоевскаго, и да же послѣ Чехова, ея достоинства могутъ показаться тусклыми, не потому, чтобы это была литература болѣе низкаго качества, — а такъ же, какъ никому не понравится Глинка послѣ Мусоргскаго. "Шпнель", сыгравшая такую огромную роль въ русской жизни прошлаго столѣтiя, — одно изъ тѣхъ произведенiй Гоголя, которыя герають половину своего очарованiя внѣ эпохи и среды. Элементъ "вѣчнаго и вѣременнаго" въ "Шпнели" приправленъ тысячами бытовыхъ подробностей, непонятныхъ и незамѣтныхъ безъ комментарiя. Комментарiй же надо имѣть въ головѣ готовымъ, — "объяснительныя примѣчанiя", конечно, ни къ чему. Надо знать, что такое николаевское министерство и надо, хотя бы, видѣть одно изъ тѣхъ невысокихъ и длинныхъ, желтыхъ "правительственныхъ зданiй", которыми украшенъ Петербургъ. Безъ этого исчезаетъ ароматъ и привыкутъ повѣсти.

Что должно было бы поразить новыхъ читателей Гоголя — и что, можетъ быть, впервые въ новомъ переводѣ передано, — это "густота", насыщенность гоголевскаго письма, невѣроятное богатство его воображенiя, за которымъ почти не послѣдуетъ перо. Мнѣ кажется, что въ этомъ у Гоголя нѣтъ соперниковъ въ мировой литературѣ, и самыя прославленныя страницы описанiй рядомъ со страницей Гоголя — блѣдны и невыразительны. Сравните, какъ оцѣвается Облонскiй въ "Аннѣ Карениной" и Чичиковъ въ "Мертвыхъ душахъ". Можетъ быть у Толстого больше мѣры. Но читая Гоголя, чувствуешь, что нѣсколькихъ его строкъ хватило бы на цѣлую страницу другому писателю. О Достоевскомъ и говорить нечего. Гоголь безмѣрно щедрѣе и выразительнѣе его. Это — колдовство, другого слова нѣтъ.

Мнѣ часто думается, что если бы существовалъ гдѣ-нибудь, хотя бы на небесахъ, высшiй судъ надъ человѣческимъ искусствомъ и если бы люди хотѣли поехать туда самыя удивительные образцы своего мастерства, надо было бы выбрать начало "Мертвыхъ душъ" или повѣсть о ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ.

Г.
Г. еоргiй Адамовичъ.